

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

На правах рукописи

КОЧКУРКИНА Светлана Ивановна

УДК 930.26 (47)

ДРЕВНЯЯ КОРЕЛА

Специальность 07.00.06 — археология

*В библиотеку
Керемсан ушман*

12/xi-85,

Кочуркина

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва 1984

Работа выполнена в секторе археологии Института языка, литературы
и истории Карельского филиала Академии наук СССР

Официальные оппоненты:

член-корреспондент АН СССР ЯНИН В.Л.
доктор исторических наук АЛЕКСЕЕВ Л.В.
доктор исторических наук ШАСКОЛЬСКИЙ И.П.

Ведущее учреждение — Институт истории АН Эстонской ССР

Защита состоится " 20 " *декабрь* 1985 г., в 12 часов на
заседании специализированного совета ДОО2.18.01 по защите диссертаций
на соискание ученой степени доктора наук при Институте археологии
АН СССР — г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, 4 этаж, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института археологии
АН СССР.

Автореферат разослан " 11 " *декабрь* 1985 г.

Ученый секретарь
специализированного совета

121956К



Смирнов К.А.

В качестве докторской диссертации представляется рукопись "Древняя карела", выполненная в секторе археологии Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Она подводит итог многолетней работе автора по истории древних карел.

Общая характеристика работы

Исследование посвящено этнической и социально-экономической истории одного из финно-угорских народов - древним карелам (в летописях - корела), проживавших в эпоху средневековья в Северо-Западном Приладожье и в Юго-Восточной Финляндии. Летописная корела явилась одним из компонентов, на базе которых впоследствии сложилась современная карельская народность.

Актуальность исследования. Необходимость изучения истории древних карел назрела давно. В советской научной литературе до недавнего времени этой теме уделялось очень мало внимания. Древнейший период формирования корелы в письменных источниках не отражен. Археологические же памятники, служащие фундаментом исследования, до сих пор не были полностью выявлены и систематизированы. Разрозненные сведения о них содержатся в различных зарубежных изданиях, большей частью представляющих библиографическую редкость. К тому же неравномерная изученность огромного региона обусловила различную степень наших знаний. Поэтому этническая история и материальная культура древнего населения Севера европейской части СССР являются наименее изученными вопросами финно-угорской археологии. Между тем изучение памятников прошлого, трактовка исторических событий, выявление истоков современных народов нашего многонационального государства являются насущными задачами советской исторической науки.

Цель работы. Автор поставил перед собой задачу собрать воедино сведения о всех когда-либо исследованных древнекарельских памятниках как на территории СССР, так и в смежных областях Финляндии, а затем на фундаментальной источник-

ведческой базе исследовать период становления и формирования корелы от племенного объединения до раннефеодальной народности, ее материальной и духовной культуры, многогранных культурно-исторических связей, социально-экономического развития на хронологическом этапе с У по ХУ вв.

Территория исследования и источники. Выбор региона исследования, включающего Северо-Западное Приладожье и Юго-Восточную Финляндию (район Саво), обусловлен наличием в нем археологических памятников корелы.

Источниковедческая база создавалась чуть менее ста лет финляндскими учеными (Т.Швиндт, Я.Аппельгрэн, А.О.Хейкель, Э.Кивикоски, Е.Лешяхо и др.). С результатами их исследования автор знаком по литературе. В 70-х гг. начался новый планомерный этап систематического изучения археологических памятников советскими археологами. В Северо-Западном Приладожье отрядом Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством А.Н.Кирпичникова осуществлены раскопки крепости Корела и разведочные работы в Тиверске. Интересные архитектурно-археологические изыскания ведутся в Выборге В.А.Тюленевым. С 1970 г. археологические исследования проводились экспедициями Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (ИЯЛИ) под руководством автора. За это время изучены объекты с топонимами "линнавуори" и "линнамяки" (крепость на возвышенности, на горе), городища Тиверск, Паасо, Куркийоки, могилы о-вов Риеккала и Мантсинсари.

Научная новизна. Впервые составлен научно обоснованный каталог, объединивший информацию о 199 памятниках летописной корелы. Вводятся в научный оборот материалы, добытые автором при раскопках древнекарельских городищ, прежде почти неизвестных. Впервые для их изучения привлечены методы естественнонаучных дисциплин (металлографическое исследование кузнечных изделий, спектральный анализ медных сплавов, петрографическое изучение керамики, определение видового состава остеологического материала).

Вопрос о происхождении древних карел и генезисе их

культуры рассматривается на базе всей добытой к настоящему времени информации. Для большинства элементов материальной культуры удалось определить ареалы и хронологические рамки, разработать типологию и классификацию, выделить этнически характерные признаки летописной корелы, выразившиеся в инвентаре, погребальной обрядности и в типах поселения, выявить территорию расселения локальных групп древних карел.

В работе применен комплексный подход к освещению кардинальных вопросов истории корелы. На основе археологических и этнографических, фольклорных и топонимических данных, антропологических и одонтологических исследований, письменных источников охарактеризована этническая и социально-экономическая история племенной общности корела в I-начале II тыс., обозначены основные вехи развития народности корела в XII-XV вв. на этапе разложения первобытнообщинного строя и зарождения феодальных отношений. Представлено хозяйство корелы и разветвленная сеть торгово-культурных контактов.

Богатая событиями внешнеполитическая и внутренняя жизнь корелы нашла отражение в трудах советских и финляндских историков, но в полной мере ее удалось раскрыть, привлекая письменные источники: русские летописи и документы, скандинавские саги, берестяные грамоты и писцовые книги, - и всю сумму фактов, накопленную в различных областях науки по данной проблеме.

Апробация работы. Основные положения диссертации опубликованы в двух монографиях и серии статей. Итоги исследования автор неоднократно докладывал на совещаниях, пленумах, конференциях в Петрозаводске, Таллине, Ленинграде и Москве. Материалы и выводы используются в лекционных курсах, учебных пособиях и научно-популярной деятельности как самого автора, так и его коллег.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, списка литературы и сокращений. К ней прилагается каталог и список памятников, альбом иллюстраций. Объем диссертации (без альбома иллюстраций) составляет 424 страницы.

Содержание работы

Во введении обобщается выбор и актуальность темы, задачи и методы исследования, очерчиваются границы ареала летописной карелы. Кратко излагаются основные идеи и выводы автора, содержащиеся в отдельных главах, и по работе в целом. Обосновывается необходимость включения каталога памятников, являющихся фундаментом всех теоретических построений. Подчеркивается комплексность исследования, ставшая возможной лишь благодаря всестороннему изучению проблемы средствами гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Первая глава "О происхождении племени карела" посвящена эволюции исследовательской мысли на этническое происхождение древних карел. Обращается внимание на негативные стороны и конструктивные положения той или иной гипотезы.

Процесс формирования племени карела был сложным и длительным, тесно связанным не только с финно-угорским, но и в значительной степени со славянским миром. В полной мере его можно раскрыть только совместными и согласованными усилиями исследователей разных смежных специальностей. Особенно трудно из-за скудности источников воссоздать самую раннюю стадию этногенеза древних карел. И все же трудами ряда исследователей как отечественных, так и зарубежных, происхождение и ранний этап истории народа постепенно проясняются. Древних карел принято рассматривать как качественно новое формирование, возникшее на базе местного, западнофинского и пришедшего из Юго-Восточного Приладожья населения. Расхождения наблюдаются в оценке доминирующего влияния того или иного компонента. Но все рассмотренные гипотезы сходятся в том, что карела сформировалась лишь в XI-XII вв.

Между тем серьезные аргументы в пользу более раннего формирования общности выявляются при анализе исторических, археологических, фольклорных и лингвистических данных, что приводит автора к мысли об автохтонном происхождении древних карел.

Вторая глава "Племенная общность карела в I-начале II

тыс." содержит анализ древностей этого времени. Он необходим для выяснения этнической истории населения Северо-Западного Приладожья и Иго-Восточной Финляндии, поскольку в научной среде созрело убеждение о западнофинском характере древностей I тыс. и об отсутствии связей с истинно корельскими памятниками последующего хронологического этапа. В круг рассматриваемых археологических источников привлекается 18 могил и могильников, в которых умершие погребены по обряду трупосожжения, семь кладов и отдельных находок монет, 52 местонахождения подъемного материала, предметы X-XI вв., извлеченные из предшествующих древнекарельским городищам слоев (№ I-77 по каталогу).

Тщательное сопоставление материальной культуры I тыс. н.э. и древностей корелы XII-XV вв. в ретроспективном плане показало, что по некоторым предметам украшения и погребальным обрядам устанавливается генетическая преемственность памятников двух хронологических этапов, и, следовательно, говорить о кореле как позднем этническом образовании нет оснований. Следует подчеркнуть, что роль западнофинского населения в формировании и развитии племени корела преувеличена и не получила подтверждения на археологических материалах. Напротив, они убедительно показывают, что происхождение прибалтийскофинских племен, объединенных этнонимом корела, тесно связано с Карельским перешейком. Существующее различие в материальной культуре двух групп памятников объясняется не только этническим развитием общества, в ходе которого меняется тип этнической общности — от племени или племенного объединения к народности — и язык народа, но в первую очередь более высоким социально-экономическим уровнем, ставшего возможным в результате разложения первобытно-общинных отношений и зарождения феодальных, хотя эти процессы отличались чрезвычайной замедленностью.

I-начало II тыс. на берегах Ладожского озера было временем формирования древнекарельской народности, когда выработывались присущие только ей единые этнокультурные черты, а привнесенные извне элементы, трансформируясь в соот-

ветствии с мировоззрением населения, органически входили в обиход. С другой стороны, и соседи испытали на себе влияние корелы. Уже в X-XI вв. в контактирующих зонах намечается сближение корелы и населения Олонецкого перешейка, выразившееся в формировании гибридной культуры, в которой присутствуют черты двух этнических групп: древних карел и веси, что является археологически зафиксированной ступенью в сложном и многоступенчатом процессе формирования современной карельской народности. С переходом к феодальной формации племенное объединение корела превращается в древнекарельскую народность с единой территорией, языком и общей материальной культурой.

Третья глава "Народность корела в XII-XV вв." посвящена изучению времени расцвета древнекарельской культуры, характеризующейся яркими самобытными чертами. К этому времени относятся большинство памятников Северо-Западного Приладожья.

Поселения, клады, "жертвенные" камни. На территории летописной корелы исследовано шесть поселений. Они располагались на берегу залива Ладожского озера (Хямеэнлахти), небольшого озера (Сур-Микли), на речных островах (Тиверск, Корела) и берегах рек, в 1-2 км от их впадения (Паасо, Куркийоки) в Ладожское озеро (№ 79, 86, 90-93 по каталогу). Топография поселений, конструктивные особенности застройки связаны и с защитными свойствами рельефа, но главным образом с теми целями и задачами, ради которых они сооружались. На протяжении длительного времени за Карельский перешеек между Швецией и Новгородским государством велась ожесточенная борьба, и последствия ее корела испытала в полной мере, что нашло яркое отражение в археологических памятниках.

Административным центром древнекарельской территории была Корела. О доминирующей роли русского влияния свидетельствуют планировка, срубного типа жилые постройки, обилие вещей русского городского ремесла. Следы древних карел выявлены на археологическом материале и по писцовым книгам XV в.

В случаях крайней опасности население использовало естественные труднодоступные возвышенности с обрывистыми скло-

нами, дополнив и завершив созданное природой некоторыми вспомогательными укреплениями. Безусловно, существовала и такая форма поселения, как открытые селища, но, к сожалению, они пока мало изучены.

На территории Северо-Западного Приладожья обнаружены четыре клада с серебряными вещами (№ 196-199 по каталогу) и "жертвенные" камни. Как известно по аналогичным находкам в Финляндии и Эстонии, последние отличаются неглубокими чашеобразными углублениями числом от I до 10-60 (на двух около 200). По сведениям Э.Кивикоски, в Северо-Западном Приладожье "жертвенных" камней 15 (три обнаружены в районе Суотниэми), в южном Саво - несколько десятков. Культовые камни, как правило, располагавшиеся по краям полей, связывают с обрядом поклонения усопшему, с культом плодородия.

Могильники и их датировка. Погребальные памятники карелы в Северо-Западном Приладожье насчитывают 13 одиночных могил, 11 могильников с неизвестным количеством могил, 13 могильников с 95 захоронениями. Местонахождений со случайными находками в Северо-Западном Приладожье свыше 50 (№ 94-130; 138-189 по каталогу).

Кладбища располагались на южных склонах песчаных пригорков, на участках, пригодных для земледелия, обычно у воды. Какой-либо закономерности в расположении могил не было. Может быть в древности они как-то отмечались (недаром в топонимии для некоторых пригорков сохранилось название калмистото - могильник), но теперь уже нельзя восстановить их первоначальный внешний вид. Традиция закладывать кладбища на местах, соседствующих с полями, а следовательно, вблизи поселений, прослеживается еще по памятникам I-начала II тыс. По этой причине могильники первой и второй хронологической групп сопутствуют друг другу.

Господствующим обрядом погребения было трупоположение; трупосошение, зафиксированное лишь в нескольких могилах, древними карелами применялось редко. Каждое хорошо сохранившееся кладбище наряду с некоторыми общими для древнекарельских могильников чертами имело специфические свойства.

Наиболее сложными представляются вопросы датирования, несмотря на большую, посвященную этой тематике литературу. В финляндских трудах корельские древности принято суммарно относить к периоду крестовых походов (1050—1300 гг.). В исследованиях К.А.Нордмана (1924 г.) на огромном материале с привлечением обширных аналогий культура Саво и Корельской земли датируется XII—XIII вв. Не умаляя достоинств и высокую научную значимость исследования, следует указать на его существенный недостаток — все даты выведены типологическим методом, узаконенность которого очевидна.

В последнее время появилась возможность для хронологической дифференциации памятников. Хорошей основой для разработки датировок являются вещи Тивверска, существовавшего сравнительно короткий промежуток времени (главным образом в XIV в.) и Корельского городка. Допустимо использовать и новгородские, и эстонские датировки, так как эти земли были близки и активно связаны друг с другом торговыми и культурно-экономическими контактами.

В реферируемой работе удалось условно разделить известные в Северо-Западном Приладожье могильники на четыре хронологические группы. Основанием для такого выделения послужили некоторые категории вещей, время существования которых можно ограничить определенным периодом, и особенности погребального обряда.

К первой группе (XII в.) отнесено восемь могил с 14 захоронениями. В двух могилах зафиксированы трупосожжения. Сопровождались лировидными пряжками, крестовидными подвесками, монетовидными привесками, спиралевидными цепедержателями и мотыгами, датированными XI—XII вв. Ориентировка северная с отклонением к западу и востоку. Каменные кладки отмечены в трех могилах, остатки бересты — в шести, могильные сооружения типа деревянной рамы — в четырех, орудия труда и бытовой инвентарь — в двух. Четыре могилы коллективные.

Во вторую группу (XII—XIII вв.) входит девять женских погребений из восьми могил, большинство которых связано комплексом сходных черт: наличием карельских подковообразных фи-

бул, круглых выпуклых брошей, слюгерё, фартуков с орнаментом из металлических спиралек. Преобладает северная ориентировка. Детали погребальной обрядности схожи с таковыми первой группы.

Датировка мог.Патья-21 XIII в. устанавливается по монете первой половины этого века.

В третью группу (XIII-XIV вв.) вошло шесть могил с семью захоронениями, сопровождающиеся колуновидными топорами, копоушками, мечами и др., 10 местонахождений разрушенных могильников, 52 случайные находки и целый ряд пунктов, где найдены отдельные вещи. Все эти погребения, языческие в своей основе, можно отнести к развитой древнекарельской культуре. Северная ориентировка зафиксирована у пяти умерших, северо-восточная - у одного. Следы бересты, в отличие от погребений XII-XIII вв., прослежены лишь в одном захоронении, каменные кладки - в двух, деревянная рама - в пяти, орудия труда и бытовой инвентарь - в двух.

В четвертую хронологическую группу (XIV-XV вв.) вошло 21 местонахождение с погребениями, совершенными по христианскому обряду, ориентированными главным образом на З и ЮЗ, хотя есть захоронения иной ориентировки. Некоторые особенности погребального обряда, засвидетельствованные на ранних этапах древнекарельской культуры, в XIV в. отсутствуют. Наличие каменных кладок отмечено в трех погребениях. Захоронения четвертой группы находятся в деревянных гробах, иногда - в колодах без сопровождающего инвентаря или с минимальным количеством фрагментов керамики и металлических принадлежностей одежды.

О времени появления христианизованных захоронений в Корельской земле можно судить по погр.Патья-23, датированному XIV в., и по исследованному в Тиверске кладбищу начала XV в., в котором при некотором разнообразии ориентировки господствовали христианские обряды. Сказанное вовсе не означает, что такая ситуация была характерна для всей древнекарельской территории в это время. Влияние христианства ощущалось населением, возможно, значительно раньше, а в уда-

ленных от центров местностях, напротив, оно продолжало следовать языческим обрядам.

Границы между выделенными хронологическими группами нечеткие, расплывчатые и подвижные. Некоторые погребения, отнесенные к XII—XIII вв., на самом деле могли заходить и в более поздний период, учитывая долгую сохранность в быту некоторых предметов. С другой стороны, не исключено появление раннехристианских погребений и во второй половине XIII—XIV вв., особенно вблизи крупных населенных пунктов, но из-за отсутствия инвентаря датировать их невозможно.

В разделе "Локальные группы карелы" рассматривается вопрос о происхождении и взаимоотношениях древних жителей Юго-Восточной Финляндии (область Саво) и Карельского перешейка. Решение его имеет существенное значение для истории карелы, в частности для выяснения ее ареала.

В Юго-Восточной Финляндии в настоящее время известно помимо отдельных находок пять древнекарельских могильников: Кюккюля, Мойсио, Каускила, Висулахти и Туккала (№ 131—137, 190—195 по каталогу). Два первых существенно отличаются от других могильников как по обряду погребения, так и по сопровождающим вещам, что послужило основанием для некоторых финляндских исследователей сблизить их с западнофинскими могильниками периода викингов и дать новую трактовку древностям Саво: будто бы они оставлены не древними карелами, как это считалось раньше, а хяме, попавшими под влияние древнекарельской культуры (П.-Л. Лехтосало-Хиландер).

Проведенное нами детальное сопоставление могильников обоих регионов по таким признакам погребального обряда как ориентировка покойных, наличие деревянных могильных сооружений, берестя, зольно-углистых прослоек, каменных кладок на могилах, т.е. деталям, характерным для могильников Карельского перешейка, — показало, что при наличии некоторых общих черт могильники имеют существенные различия.

Наиболее яркая корреляция между ними проявляется по набору типично древнекарельских женских нагрудных украшений, выльчаемых овально-выпуклые фибулы, Ф-образные пронизки, це-

педеркатели и соединительные цепочки; по наличию в памятниках обеих территорий таких характерных для корельского этноса предметов как ножей с орнаментированными рукоятями и ножен, круглых выпуклых брошей или их заменителей, подковообразных выпуклых фибул карельского типа, подковообразных пластинчатых с растительным орнаментом, копоушек, шейных лент. Различаются памятники лишь количественным преобладанием в них тех или иных вещей. Особенно ощутимо эта близость проступает при сравнении реконструированной по материалам могильников Карельского перешейка и Туккала женской одежды, что является важным и веским аргументом в пользу идентичности этнической принадлежности.

Из сравнительной характеристики могильников Саво и Карельского перешейка логично вытекает вывод, что их сходство нельзя объяснить лишь культурным заимствованием. Речь может идти только о едином этническом регионе. Однако территориальная удаленность (хотя это обстоятельство и не самое главное), иное этническое окружение, политические акции привели в первой половине XIV в. к изоляции населения Саво, попавшего под власть Швеции, от основного ядра народности корелла, что нашло отражение в археологических объектах и их локальных различиях. Заселение Саво, может быть, произошло не в XII-XIV вв., а значительно раньше, поэтому появились отклонения в погребальных обрядах и отчасти в сопровождающих вещах.

Такой вывод находит поддержку и в лингвистических, и в топонимических материалах. Недвусмысленные сведения на этот счет дает текст Ореховецкого мирного договора 1323 г.

Общие черты материальной культуры населения Саво и новгородской Карелии прослежены на обширном этнографическом материале (Н.Валонен).

Кроме саво-корельской группы известны и другие. О "пяти родах корельских детей" упоминают письменные источники. О "немецкой городецкой", семидесятской и кобылицкой кореле сообщают летописи. По мнению крупнейшего финноугроведа Д.В.Бубриха, разработавшего концепцию происхождения и раз-

вития карельского народа в XII-XVII вв., базирующуюся на огромном лингвистическом материале, к середине XII в. сформировались следующие группы корелы: привыборгская, присайминская, приботнигская, корела в центральной части Карельского перешейка и ижора. Все они испытывали этнические влияния, одни в большей мере, другие в меньшей, у одних преобладали западные элементы, у других - восточные. Именно эти обстоятельства приводили к различиям в материальной культуре.

Таким образом, в XII-XIV вв. летописная корела занимала Северо-Западное Приладожье с центром в Корельском городке, Юго-Восточную Финляндию (районы Саво и Лаппеэнранта) и Северную Приботнию. Отдельные группы корелы жили, видимо, и в Ляме, и на Ижорском плато. Северо-Западное Приладожье, будучи подвластным Новгороду, в значительной степени отличалось от локальных, заселенных корелой районов, разделенных большими пространствами, связи между которыми постепенно ослабевали. Решительная ломка этнических отношений произошла после заключения новгородско-шведского договора в 1323 г., когда свершилось насильственное разделение народности корела.

В Северо-Западном Приладожье, традиционно связанном с судьбами Новгородского государства, наблюдается расцвет самобытной древнекарельской культуры, испытавшей существенное воздействие древнерусского искусства и различных ремесел, способствующих экономическому и социально-политическому развитию края.

Четвертая глава "Хозяйство корелы в XII-XV вв." состоит из нескольких разделов, посвященных различным отраслям экономики древнекарельского общества, рассмотренном на большом фактическом материале, раскопанном самим автором.

Железообрабатывающее ремесло. Территорию корелы отличало от чисто земледельческих и промысловых районов подвластных Новгороду земель развитое железоделательное производство, базирующееся на местных запасах сырья. О его значительной доле в хозяйстве можно судить по большому числу готовых кузнечных изделий, обнаруженных на поселениях и могильниках, по

разнообразным инструментам, бытовому инвентарю, предметам военного снаряжения и т.д.

Установлено несколько схем изготовления кузнечных изделий, характерных в общих чертах для древнерусского ремесла IX-XIV вв.: целиком из железа, стали; трехслойный пакет; сварка стального лезвия в железную основу; торцовая наварка стального лезвия на железную основу клинка; косая наварка стального лезвия на железную основу; поверхностная цементация готового изделия. Однако наибольшее распространение получили схемы X-XII вв. Металлографический анализ подтвердил сделанный при исследовании керамического материала вывод, согласно которому в Тиверске существовали слои X-XI вв. (исследования Л.С. Хомутской).

Более квалифицированными кузнецами Паасо использовалась, кроме того, сварная технология из двух полос — железной и стальной. Ремесленники при изготовлении предметов из железа и стали применяли разнообразные технологические приемы: горячую кузнечную ковку и сварку, термическую обработку и горючую пайку, обмеднение железных и стальных изделий. На некоторых предметах прослежена художественная кузнечная ковка. В целом древнекарельское железообрабатывающее ремесло отличается высоким мастерством, профессионализмом и не уступает в этом ремеслу древнерусских городов, прежде всего Новгорода, под прямым влиянием которого оно развивалось.

Ремесленниками по железу изготавливались разнообразные кузнечные изделия для повседневных нужд: замки и ключи к ним, кресала, ножи, сковородники, светцы, бритвы, ножницы и т.д.

Ювелирное ремесло и предметы украшения. Художественное ремесло у древних карел достигло значительного уровня. Ювелирные изделия: цепочки, кольца, поясные пряжки, застежки — частично изготавливались из железа; многочисленные медные и серебряные вещи обычно украшались изящным растительным узором. Тонкой позолотой изредка покрывались пластинки, которые носили на шейной ленте, отдельные мужские застежки и женские фибулы. Часть ювелирных изделий производилась в Нов-

городе, другие появились в результате торговых контактов, какие-то вышли из местных мастерских, доказательством чему служит погребение бронзовых дел мастера, содержащее молоточки, точильные бруски, пробойники и клещи, обнаруженные в одной из могил Карельского перешейка. Следы кузницы (№ 84 по каталогу), в которой, как предполагают, изготавливали бронзовую нить для спиралей, украшавших женскую одежду, зафиксированы при исследовании могильника в Ховинсари. Два похожих сооружения выявлены в Хийтола и Кушала (№ 88, 89 по каталогу).

Металлообрабатывающие инструменты разнообразны, хотя и немногочисленны. Квельрная наковальня с удлиненным рогом и отверстием на противоположной стороне аналогична новгородскому изделию из слоя второй половины XII в., инструменты для волочения бронзовых нитей, молотки и молоточки, зубила, бородки для пробивки отверстий, бронзовые и железные пинцеты, весы для взвешивания компонентов при составлении сложных сплавов из цветных металлов.

Меднолитейное дело в древнекарельской земле развивалось в русле новгородских традиций. Для изготовления предметов украшения использовались сложные, аналогичные новгородским сплавы. Так, например, вещи из ранних слоев Тиверска и Пассо сделаны из сплавов X-XI вв., предметы развитой древнекарельской культуры - из сплавов, применявшихся новгородскими ювелирами в XIII-XIV вв. (анализы осуществлены Э.С.Васильевой).

Исследование ювелирных изделий с памятников летописной корелы преследует несколько разноплановых задач, которые тесно связаны между собой: определение времени функционирования отдельных предметов и памятников в целом, выяснение этнической принадлежности, а следовательно, выделение особых черт в древнекарельской культуре, выявление территориальных границ и т.д. Эти задачи на древнекарельском материале удалось решить.

Уникальными, свойственными только древнекарельской культуре, были серебряные украшения для прикрепления к во-

лосам головного платка (сыкерё, по терминологии финляндских исследователей). Носились корелой, проживавшей в центральной части Карельского перешейка, и ею же, видимо, производились. Лишь одна застежка обнаружена в эстонском кладе второй половины XII в. Между тем та же техника плетения характерна для цепочек, которые в большом количестве встречались в памятниках Финляндии, Скандинавии, Прибалтики и в Новгороде. Время их применения XII—XIV вв.

Круглые выпуклые броши (они же фибулы, застежки) носились женщинами на груди у ворота рубашки между овально-выпуклыми фибулами. Они иногда могли соединяться цепочкой, свисавшей с нижнего кольца, с цепедержателем под овально-выпуклой фибулой, расположенного на правом плече. Изготавливались из серебряного листа. На внутренней стороне была игла для застегивания. В качестве центрального узора на древнекарельских застежках использовались крест с плавнозакругленными линиями (в углах его помещались пальметты), асимметричные разводы виноградной лозы, изображения листьев, розеток, льва, узоры, напоминающие "древо жизни". Для выделения центрального узора мастерами-торевтами применялись чернь и позолота. На одной из фибул, найденной в Туккала, обнаружена руническая надпись XII в.

Местом производства круглых выпуклых застежек был скорее всего о.Готланд, где известны предшественники древнекарельских фибул. Но с другой стороны, на украшениях определенно видно восточное, в самом широком смысле, влияние, выразившееся в особенностях декора, технике гравировки и черни. Датировка изделий XII—XIII вв. убедительно доказана К.А.Нордманом.

Этим же временем датируются два схожих по форме предмета, которые первоначально носились как шейные украшения, но попав в древнекарельскую среду, были переделаны в фибулы: серебряный медальон с изображением Марии Оранты и фибула с гравированным узором, получившим в литературе название "процветшего креста". Изделия созданы, по всей вероятности, новгородскими ремесленниками для внутреннего, провинциально-

го рынка, в том числе и для жителей Корельской земли.

Крупные подковообразные орнаментированные растительным узором фибулы, употреблявшиеся в женском костюме для прикреплении головного платка и наплечья накладки, давно названы в специальной литературе карельскими. Они явились этнически определяющей чертой материальной культуры корелы, проживавшей в XII—XIV вв. в Юго-Восточной Финляндии и Северо-Западном Приладожье.

Овально-выпуклые фибулы носились женщинами на предплечьях и крепились два полотнища платья. От них свисали сложные гарнитуры украшений. Изделиям, за некоторым исключением, свойственны одинаковая форма и размеры, но орнаментация их различна. Это фибулы с узором из кружков (типология дана по Ю.Айлио); со звериным орнаментом; с растительным акантовым узором; в виде плетенки. Самыми распространенными были застежки с изображением клешней рака.

Фибулы с узором из кружков, первые варианты застежек со звериным орнаментом и орнаментом в виде плетенки, а также единственное изделие с рисунком в виде лилии начали входить в употребление в XII в., остальные прочно датируются XIII—XIV вв. Подавляющее большинство фибул обнаружено в пределах этнической древнекарельской территории, отдельные экземпляры встречены в Финляндии, Новгороде, Изборске, Орешке, на западном берегу р. Волхова и у д. Мишкино в бассейне р. Невы, в районе Костромы и Тарту.

В нагрудных украшениях между овально-выпуклыми фибулами и цепедержателями находились ф-образные пронизки. Через них пропускался шнур, один конец которого привязывался к верхнему украшению, другой — к нижнему. Иногда между ф-образной пронизкой и цепедержателем помещались металлические цилиндрические бусины. К ушкам подвешивались миниатюрные украшения треугольной, ромбовидной, сердцевидной формы, в виде бубенчиков, лапок водоплавающей птицы. Пронизки характерны для древнекарельской культуры главным образом центральной части Карельского перешейка. Такие изделия встречаются в Западной Финляндии, где они оставлены проникшей туда

частью населения с северо-западных берегов Ладоги.

Неповторимое своеобразие материальной культуре корелы придают серебряные и медные цепедержатели: спиралевидные и ажурные крестообразной формы. Спиралевидные представлены цепедержателями простой формы и изделиями с более усложненной орнаментацией. Ажурные цепедержатели, представленные тремя вариантами, за пределами древнекарельской территории почти не известны, что позволяет считать их истинно древнекарельскими предметами украшения XII-XIV вв.

Цепи из серебра, медных сплавов, железа - обычные квелирные изделия, носимые женщинами на груди. Они соединяли нагрудные украшения, от которых спускались дополнительные отрезки цепочек с висевшими на концах копоушкой, ножом и т.д. У древних карел, проживавших на Карельском перешейке, использовались железные цепи (за одним исключением), у жителей Саво - и те, и другие.

Копоушки одновременно использовались и в гигиенических целях, и служили украшением женского древнекарельского костюма. Они крепились железной цепочкой к правой части нагрудного гарнитура (овально-выпуклая фибула - Ф-образная пронизка - цепедержатель) и спускались ниже пояса. Делались из серебра, медных сплавов и железа (одна из кости). Встречены с инвентарем XII-XIV вв., некоторые отнесены к XV в.

Ножи с медными орнаментированными рукоятями и ножами принадлежали обычно женщинам. Их прикрепляли к нагрудным цепочкам, свисавшим чуть ниже пояса с правой или левой стороны. Помимо утилитарного назначения, они выполняли сверх того декоративную функцию. Ей были подчинены и форма изделия, и материал, идущий на рукояти и ножны, и сам орнамент.

На территории летописной корелы ножи с орнаментированными рукоятями известны и в могильниках, и на поселениях. Отдельные предметы зафиксированы в Северной Швеции, на Ижорском плато, в городах Копорье, Орешек и Новгород. Несмотря на такую широкую распространенность, изделия были ярким индикатором древнекарельской этнической принадлежности. Возможно, они производились в Новгороде по заказу корелы; не

исключено их изготовление на месте.

Ножи хранились в кожаных ножнах, украшенных металлическими орнаментированными пластинками. Древнекарельские ножи, хорошо задуманные и прекрасно исполненные, производили парадное впечатление. Длина их достигала 13-20 см (средние размеры 14-16 см). Среди ножен есть ажурные, в виде сплошных оковок, украшенных растительным орнаментом и прочерченными линиями, выполненными гравировкой. И хотя используются одни и те же мотивы, одни и те же детали орнамента, композиционное строение декора различно. Датируются изделия XII-XIII вв.

Перстни из серебра и медных сплавов носились и мужчинами, и женщинами. Они представлены пластинчатыми замкнутыми с расширенными и орнаментированными фигурными щитками, пластинчатыми незамкнутыми. Интересны фигурносрединные печатные медные перстни. На печатках помещались гравированные изображения крылатого коня, схематические фигурки людей. На одном серебряном изделии на фигурном щитке в овальной, а затем прямоугольной рамке изображена мужская фигура с прямым предметом в правой руке и треугольным - в левой. По многим деталям этот рисунок схож с изображением популярного на Руси воина - св.Феодора на печатках новгородских князей XII-XIII вв.

Широкое применение в украшении женской одежды получили спиральки, скрученные из медной проволоки различного сечения и диаметра. Эта традиция характерна как для ранних этапов развития древнекарельской культуры, так и для поздних, распространенной и на северо-западных берегах Ладожского озера, и в Юго-Восточной Финляндии, в районе Саво.

Одежда. Вопросам реконструкции одежды населения древней Финляндии и новгородской Карелии уделяется пристальное внимание, поскольку одежда является одним из важнейших признаков этноса.

Еще Т.Швиндт по материалам раскопанных им погребений предложил реконструкцию мужской и женской одежды, которая впоследствии не удовлетворила исследователей, хотя в общих

чертах она представлена верно. Верхняя женская одежда типа длинной юбки состояла из двух полотнищ плотной шерстяной четырехниточной ткани. Верхние концы заднего полотнища перекидывались на передние, слегка касаясь друг друга, и на предплечьях скреплялись овально-выпуклыми фибулами. Края обрабатывались светлой или ярко окрашенной шерстяной тканью либо фасонной лентой. На передники шла чаще всего четырехниточная шерстяная ткань, края которой украшались спиральками из медных сплавов и бахромой. Нашпечная накладка из четырехниточной ткани тоже отделялась по краям бахромой. Она застегивалась под грудью брошью. Платок из той же ткани, что и юбка, свисал с головы, где крепился застежкой.

Поиски оптимального варианта продолжались, и в 1956 г. кропотливая работа этнографов и специалистов по древним тканям завершилась демонстрацией древнекарельского костюма в Национальном музее в Финляндии. В основу были положены материалы могильника Кекомяки. Однако и эта реконструкция не избежала недостатков. П.-Л.Лехтосало-Хиландер не только подметила отдельные ошибки реставраторов, но и вполне справедливо подвергла критике сам принцип реконструкции.

Действительно, отмеченное даже в одном могильнике разнообразие в деталях одежды со всей очевидностью свидетельствует о том, что метод создания типичного, стандартного костюма по данным нескольких погребений не кажется верным, поскольку он не соответствует историческим реалиям. У представителей одного и того же этноса в одно и то же время наблюдаются (по многим причинам, и в том числе по возрастному признаку) различия в деталях, и задача исследователей — выявить их в полной мере. Более того, костюмы, реконструированные по материалам могил с обильным сопровождающим инвентарем, не отражали и не могли отражать моду рядовых масс. Однако состояние археологических находок таково, что без консервирующих текстиль металлических изделий почти невозможно в полной мере проследить детали костюма.

Представленная одежда не является характерной для всех женских погребений не только могильника Кекомяки, но и дру-

гих. Прослеживается несколько вариантов женского костюма. В XII-XIV вв. он, по всей вероятности, немного видоизменился, ибо в погребениях нет соответствующих предметов украшения. Не исключено, однако, что в костюме сохранялось направление моды XII-XIII вв. С другой стороны, при всем разнообразии конструкция женской одежды в общих чертах оказывается схожей для населения Западной и Восточной Финляндии, а также Северо-Западного Приладожья (П.-Л. Лехтосало-Хиландер).

Тщательному анализу в финляндской археологии подвергнуты украшения из спиралек, нашиваемые на одежду. Установлено, что на Карельском перешейке для прикрепления спиралек к переднику использовался способ аппликации - спиральки длиной 1-1,5 см нанизывались на нить (в новгородской Карелии чаще всего использовали ссученные вместе конскую и шерстяную нити), пришивались к полосе ткани, которая затем прикреплялась к подолу передника. Такой орнамент, иногда в виде сложных композиций, был виден только с лицевой стороны. В западнофинских передниках орнамент создавался уже в процессе изготовления ткани - в нити основы вдевались спиральки, и тогда орнамент был виден с обеих сторон. Кроме того, в отличие от древнекарельских, на них присутствовали поясная кайма и орнамент в углах передника. Различие прослеживается и в оформлении накидок: в Западной Финляндии они украшались орнаментом из спиралек, в Северо-Западном Приладожье края накидок отделялись тесьмой или каймой с бахромой, сотканной вместе с материей.

Мужчины носили шерстяные и льняные рубашки, похожие на женские, скрепленные у ворота маленькой застежкой. Кафтан шился из валяной шерсти и на груди украшался крупной фибулой. Пояс был кожаным с железными или бронзовыми пряжками, к нему привешивались нож в чехле, огниво, брусек. Некоторые носили шерстяные шейные ленты, обернутые тонкой тканью, с нашитыми позолоченными серебряными пластинками и с крестообразной подвеской в центре.

Ткачество. О высокоразвитом ткачестве у корелы можно составить представление по остаткам льняных и шерстяных тканей, сохранившихся при исследовании могильников Т. Швиндтом и

частично опуюликованных. Льняная ткань, как наиболее активно разрушающийся материал, представлена небольшими кусочками, оставшимися от женских и мужских рубашек, а также от шейных лент. Ткани из овечьей шерсти, из которых шилась верхняя одежда, разнообразнее и по цветовой гамме, и по техническим признакам.

Шерстяные ткани полотняного переплетения изготовлялись различными приемами. Использование тонкой и одинаковой в основе и утке пряжи придавало ткани гладкую поверхность. Если же в основе пряжа была грубее, чем в утке, поверхность ткани получалась рельефной. На одном из фрагментов можно проследить особый прием тканья — нить утка проходит не через каждую нить основы, а сразу через две. Ткани более сложного, саржевого переплетения, при котором чередование перекрытий нитей утка и основы идет по диагонали, встречались чаще. Известны фрагменты толстой полосатой материи, сотканной из разных по цвету, ссученных двух-трех более тонких нитей.

Плетение и тканье шерстяных и льняных лент, тесьмы, бахромы, шнуров, употреблявшихся для отделки женской одежды и предметов украшения (шейные ленты), было широко распространено в древнекарельской среде. Узорчатая и гладкая тесьма получалась при технике тканья на четырехугольных дощечках, снабженных по углам отверстиями. Найденные в древнекарельских могильниках фрагменты льняной тесьмы имели геометрические узоры в виде елочка, ленточного переплетения. Кроме разнообразных гладкоокрашенных плетеных шнуров использовались узорчатые диагонального переплетения и разноцветные.

Сырьем для шерстяных тканей служила овечья шерсть, для льняной одежды — лен-долгунец (моченец), в меньшем количестве — конопля, так как для нее требовались более удобренные земли.

На памятниках древних карел многочисленны находки костяных, шиферных, но чаще всего глиняных пряслиц, железных игл-спиц, которыми прикреплялась кудель льна к прялке. Остатки частей ткацких станов обнаружены в Корельском город-

ке. Для шитья одежды пользовались железными и медными иглами.

Обработка дерева, камня и кости. Обработка дерева, бересты — традиционное занятие древних карел, сохранившееся до наших дней. Из дерева строили дома, лодки, изготавливали посуду, рукояти кос, серпов, мотыг, топоров и прочих инструментов. Из бересты выделывали сумки, кошель, может быть, посуду и основу для шейных лент. Береста применялась в хозяйстве, быту карелы и при совершении погребальных обрядов.

Развитому деревообрабатывающему ремеслу соответствовал разнообразный плотницкий инвентарь: различные типы топоров, долота, сверла, скобели, резцы, стамески, ножи и т.д.

Точильные бруски, собранные в большом количестве и изготовленные из крупнозернистых пород камня — гранита, кварцита, песчаника, были необходимы для заточки кос, серпов, топоров. Сделанными из более мягкого материала — шифера — оселками подправляли железные и медные швейные иглы, бритвы, ножи. Для работы по кости применялись резцы.

Гончарное ремесло. Основная масса бытовой посуды сделана из глины. Нашли применение и другие материалы: железо, медь, дерево.

Керамика представлена лепными и гончарными сосудами. Лепные близки сделанным от руки экземплярам из Старой Ладуги, Новгорода и некоторых памятников Северо-Запада Руси.

Гончарная посуда характеризуется несколькими типами. К ранним относятся сосуды типа I, датирующиеся X—XI вв., приближающиеся по своим очертаниям к лепной посуде и лишь частично обработанные на круге; типа II варианта А (XI—XII вв.), объединяющим горшки с резко очерченным переходом шейки в тулово и с орнаментом по плечикам; и отчасти типа IV вариантов А и Б (XII—XIII вв.), т.н. курганному типу, широко известному на древнерусских памятниках. Отдельные сосуды существуют в широком хронологическом диапазоне, либо совершенно определенно датируются XIII—XIV вв.

Горшки довольно часто орнаментировались волнистыми и параллельными линиями, но встречались оригинальные узоры

в виде овальных, прямоугольных, округлых, подковообразных вдавлений, ромбовидных и треугольной формы ямок, квадратных отпечатков, расставленных в шахматном порядке. В качестве примеси к глиняному тесту служили кварц и крупнозернистый песок, дресва и слюда, шамот, иногда охра, древесная зола и асбест.

Из анализа керамического материала становится очевидным, что древнекарельские горшки имеют формы, аналогичные древнерусским или похожие на них. Это, однако, не исключает керамического производства в местной среде, что подтверждается некоторыми особенностями форм, орнаментации и составом глины кухонной посуды.

Глава пятая "Оружие и снаряжение воина". Яркой особенностью погребальной обрядности корелы является присутствие того или иного типа оружия: мечей, наконечников копий и стрел, топоров — почти в каждом мужском погребении. Политическая ситуация, сложившаяся на границе со шведами, новгородские бури держали население Северо-Западного Приладожья в состоянии непрерывной боевой готовности.

К периоду развитой древнекарельской культуры относится 10 мечей. Для украшения рукояти, перекладины, навершия использовались растительный орнамент и инкрустация. Отмечены в некоторых случаях узоры на лезвиях.

Наконечники копий представлены в памятниках XII—XIV вв. втульчатыми изделиями, аналогичными древнерусским. Имеются дамаскированный наконечник, у которого по краям была узорная стальная наварка, и великолепный образец широкого и мощного наконечника копья с короткой граненой втулкой, украшенной растительным орнаментом из серебряного дрота.

Для втыкания копья в землю на его нижний конец надевали вток. Он имел вид железного конуса с заостренным концом и отверстием для прикрепления гвоздем к древку.

Наконечников стрел много. Срезни в виде расширяющейся к острию лопаточки наносили широкую и резаную рану коню или незащищенному доспехами воину. Некоторые типы срезней занесены на Русь монголами. Коллекцию наконечников стрел допол-

няют плоские черешковые, ромбические без упора. Граненные бронебойные черешковые наконечники стрел появились тогда, когда распространились воинские доспехи: кольчуги, панцири и т.д. Совершенствование вооружения выразилось в появлении самострела и наконечников к нему, необходимого для пешего воина при штурме и обороне крепостей. Они были в основном втульчатыми ("болты самострельные"), черешковых мало.

36 топоров представлены шестью типами. Каждый тип, кроме заведомо оевых, включал универсальные изделия, использовавшиеся в сражении и в разнообразной хозяйственной деятельности: земледелии, железообрабатывающем ремесле, строительстве и т.д.

К боевому убору воина относится пояс. Ремни были кожаными с концевыми пряжками, кольцами и разделителями. Сам пояс украшался четырехугольными орнаментированными бляшками. Они крепились к ремню бронзовыми штифтиками. Аналогично создавалась перевязь меча, включавшая длинный кожаный пояс с пряжками и прикреплявшимися сверху бляшками. К поясам подвешивались в специальных футлярах из бересты, кожи и ткани кремни, кресала, ножи и некоторые другие предметы.

Конское снаряжение представлено остатками сбруи, подковами и подковочными гвоздями, скрепницей.

Все рассмотренные предметы свидетельствует о том, что древнекарельское войско было вооружено на уровне техники того времени.

Шестая глава "Сельское хозяйство и промыслы". В XII-XV вв. по сравнению с предыдущим периодом произошли значительные изменения в экономике общества и производственных отношениях населения. На социально-экономическое развитие Северо-Западного Приладожья значительное влияние оказал географический фактор - море, Нева, ладожское озеро, водная система р.Вуоксы как важные торговые артерии давали неоспоримые преимущества, выделявшие древнекарельскую территорию среди других подвластных Новгороду земель. С возникновением феодальных отношений природные условия реализуются гораздо полнее.

Заметную роль в распространении пашенного земледелия в лесной полосе европейской части СССР в начале II тыс. сыграло повсеместное использование сохи. С одной стороны, широкое внедрение упряжных почвообрабатывающих орудий уменьшило долю ручного труда в подсечном земледелии, а с другой — соха лучше рыхлила почву и при этом сохраняла ее естественные физические свойства, что способствовало получению более высокого урожая и более долгому использованию участков. Сократилось время, на которое забрасывалась подсека. Создались возможности для освоения новых и превращения в пашню даже малопригодных земель. Соответственно стал разнообразнее сельскохозяйственный инвентарь: рабочие топоры, мотыги, наральники, серпы, жернова для размола зерна.

Основными возделываемыми культурами были рожь, овес и ячмень. Орудиями уборки урожая служили серпы. В I тыс. пользовались западнофинским типом серпа; в эпоху расцвета древнекарельской культуры — восточным, новгородским, который благодаря высоким техническим показателям проник не только в глухие отдаленные районы, но и в экономически развитые области Западной Финляндии.

Мололи зерно жерновами, для приготовления круп применялись металлические цилиндрики, надетые на деревянные рукояти.

Пашенное земледелие неразрывно связано с животноводством, роль которого особенно значительна на Севере европейской части СССР, где климатические условия затрудняли выращивание хлеба. На скудных почвах высокие урожаи без удобрения невозможны. Разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец и свиней. Для заготовки сена использовали косы-горбуши, грабли, вилы. На корм скоту шла солома. При пастьбе скота в лесных условиях применялись металлические ботала.

Сохранились такие древние виды хозяйства как охота и рыболовство. Немаловажные доходы давало бортничество. После пушныи воск был важнейшим экспортным товаром Руси.

В целом же уровень социально-экономического развития древних карел был достаточно высоким и основная причина,

способствующая этому - передовая роль Новгорода. Вхождение в состав Новгородского государства, его экономическое и культурное влияние стимулировали развитие прогрессивных и рентабельных форм экономики.

Седьмая глава "Торговне и культурно-экономические связи. Корельская земля и Новгород". Социально-экономическому развитию края в немалой степени способствовали разносторонние культурно-экономические контакты. На протяжении длительного времени они изменялись и по форме, и по содержанию, но всегда играли существенную роль в жизни населения.

Издревле корелой был проложен путь в Финляндию, к Ботническому заливу и в Северную Лапландию, где торговцы покупали меха, расплачиваясь серебром и товарами. Свидетелями таких операций являются древнекарельские вещи, отдельные предметы финно-угорского происхождения, оказавшиеся на Севере при посредничестве корелы. С развитием производительных сил и феодальных отношений, усилением эксплуатации расселяются земледельцы, охотники и рыболовы, мирно уживавшиеся с саамами на огромных, слабо заселенных территориях. Тесные этнические контакты приводили к совместным бракам. Проникали на эти территории и новгородцы.

О проникновении корелы на земли еми и еми на древнекарельские территории свидетельствуют археологические и топонимические материалы.

Участие корелы в торговле с западными странами осуществлялось в рамках внешнеэкономических и политических связей Новгорода. Существенная роль новгородской Карелии в торговле определялась ее удобным географическим положением на важнейших магистральных того времени. Этим обстоятельством объясняется наличие вещей западноевропейского происхождения в материальной культуре Северо-Западного Приладожья.

Разноплановые отношения, прослеженные на различного вида источниках, связывали древнее население Северо-Западного Приладожья и Эстонии с глубокой древности. К эпохе формирования прибалтийскофинской языковой общности относятся наиболее архаичные формы эпоса. Именно в это время начинает

складываться калевальская метрика рун, сохранившаяся в фольклоре карел и эстонцев, ливов, води, финнов.

Контакты населения Северо-Западного Приладожья с жителями Эстонии выявляются на материалах I-начала II тыс. В период сложения и развития древнекарельской и эстонской народностей существовали благоприятные исторические условия, способствующие установлению и упрочению стабильных культурных отношений, приводивших порой к семейно-брачным связям. На территории эстов обнаружены предметы материальной культуры древних карел. Тесные связи между населением двух регионов прослеживаются на фольклорном и топонимическом материале.

С X в., а особенно в XII в. часть древнекарельского населения перемещается на восток, юго-восток — в районы, заселенные весью. С другой стороны, выходцы из Юго-Восточного Приладожья принимали активное участие в сложении древнекарельской народности. Об этнокультурных связях между весью и летописной корелой свидетельствуют распространение в Северо-Западном Приладожье этнонима "весья" и археологические памятники, в которых прослеживаются характерные черты материальной культуры двух этносов.

Начиная с XI—XII вв., отчетливо прослеживаются прочные и крепнущие связи с Новгородом. Славянское влияние охватило все сферы хозяйственной и культурной жизни древних карел. Прежде всего это отразилось в появлении вещей, изготовленных в Новгороде, глиняной посуде, вооружении, меднолитейном и железоделательном ремеслах. Не исключено, что какая-то часть ювелирных украшений изготовлялась в Новгороде по заказу корелы. Со своей стороны корела поставляла в Новгород продукты сельского хозяйства, железоделательного производства, пушнину, являвшуюся ходовым товаром на всех рынках. Без сомнения, в начале II тыс. связи корелы с древнерусскими городами были значительно западноевропейских и далеко выходили за рамки торговых отношений.

Формирование и развитие племени и народности корела проходило под непосредственным влиянием Новгорода в сложной общеполитической ситуации, которая в какой-то степени

ускорила процесс сближения и воссоединения древнекарельских групп. Уже в XII в. корела активно вмешивается в международные события. Порубежное жительство корелы, территория которой входила в Новгородское государство, определяло не только ее внешнюю политику. Она активно участвовала и во внутренней жизни Новгорода, поскольку некоторые ее представители занимали высокие должности в государстве.

Новгород сыграл прогрессивную роль в социально-экономическом развитии Северо-Западного Приладожья. Создавались возможности для выделения отдельных семей, владеющих землей, и для индивидуального хозяйственного производства. В глухих древнекарельских районах этот процесс осуществлялся в замедленном темпе; в наиболее развитых, где имелись необходимые предпосылки, возникало имущественное неравенство, которое вело к социальному расслоению. Для древнекарельского общества этого времени характерно сочетание патриархального быта и развивающихся феодальных отношений.

Видимо, в XII-XV вв. у населения начинают возникать товарно-денежные связи, в первую очередь в железоделательном ремесле, которое еще в первой половине XIII в. встало на путь мелкотоварного производства. Внешнеэкономические контакты в немалой степени способствовали развитию феодальных отношений и изменению социальной структуры самого населения, среди которого наряду с относительно свободными общинниками появлялись различные категории лиц, зависимых от феодала. С введением новгородского административного управления формирование частного землевладения шло более ускоренными темпами в сравнении с предшествующим периодом.

Взаимоотношения Новгорода и корелы для XII-XIII вв. можно считать дружественными при относительной самостоятельности последней, пока ее интересы не шли вразрез с государственными. Новгородцы в подчиненных землях, опираясь на племенную знать, не держали своих войск, ограничиваясь сбором дани. Новгород был союзником и защитником корелы в тяжкие годы шведской агрессии. Однако отношения были далеко не идеальными. С обострением международной обстановки курс

Новгородского государства по отношению к кореле становился жестче. Так, после карательной экспедиции Дмитрия Александровича в 6786 (1277/78) г. были приняты административные меры. Племенная территория корелы – объединение 10 погостов – стала называться Корельской землей, центром которой в начале XIV в. становится городок Корела. Управление осуществлялось русской администрацией (возможно, при некотором участии корелы). Во главе Корельской земли ставили служилого князя и воеводу. В 1323 г. в результате ореховецкого мирного договора была установлена новая (и первая известная нам) официальная граница между шведскими и новгородскими владениями. За Швецией оставался Выборг, построенный на Корельской земле, и три корельских погоста. Кроме того, Новгород сохранял права на некоторые отошедшие к Швеции участки. Государственная граница разделила корелу – единое этническое образование со своим языком, духовной и материальной культурой. Западная попала под власть шведских государственных порядков и законов, восточная же, основная часть корелы, населявшая Северо-Западное Приладожье, осталась под властью Новгорода, тесно связанная с ним политическими, экономическими и культурными интересами.

В заключении подводятся итоги первоначального этапа исследования по данной проблеме. На надежном источниковедческом фундаменте, с использованием новейших достижений гуманитарных и естественнонаучных дисциплин удалось осветить важнейшие аспекты истории племени и народности корела в эпоху средневековья. Рассмотренные основные вехи в жизни древних карел с IV по XV вв. (новгородский период) свидетельствуют о значительных изменениях: окончательно разрушен первобытнообщинный строй, и на его смену пришел феодальный, что способствовало острому экономическому развитию края. Раскрыты важнейшие стороны хозяйственной и культурной деятельности.

Это был период формирования раннефеодальной народности, проходивший в атмосфере новгородского влияния, политических, экономических, культурных и торговых контактов с Новгород-

ским государством. Тем не менее различные источники убедительно свидетельствуют, что при всех взаимовлияниях и контактах корела проявила себя как самостоятельная этническая общность, выработавшая присущие только ей специфические формы материально-духовной культуры и сохранила этнические особенности, ярко проявляющиеся на фоне приобретений и заимствований. Расселившись на большом пространстве, за пределы племенной территории, народность корела вступала в контакты с соседями и в результате сложных многоэтапных процессов превращалась в обширную этническую общность. Намечается сближение разнородных этнических компонентов, из которых впоследствии сложилась современная карельская народность.

X

X

X

В Приложении I представлен каталог, включающий две хронологические группы памятников: V-XI вв. и XII-XV вв. Каждому памятнику и местонахождению случайных вещей в тексте, на картах и в списке памятников присвоен порядковый номер исходя из общих принципов географического расположения. Дана по возможности исчерпывающая характеристика древностей. В конце описания указывается место хранения коллекции и источник, из которого взяты сведения.

В Приложении 2 собран иллюстративный материал к диссертации. Отбор рисунков произведен с таким расчетом, чтобы дать полное представление о материальной культуре древних карел и обосновать теоретические положения диссертации.

Копия

По теме диссертации автором опубликованы:

а) статьи и монографии

1. Связи Юго-Восточного Приладожья с западными странами в X-XI вв. - Скандинавский сб., Таллин, 1970, т.15. I п.л.
2. Курганы северного побережья Онежского озера. - В кн.: Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, 1972. 0.9 п.л.
3. Юго-Восточное Приладожье в X-XIII вв. Л.: Наука, 1973. 13.69 п.л.
4. Рецензия на кн.: Л.А.Голубева "Весь и славяне на Белом озере X-XIII вв." - Советская археология, 1975, № 2. 0.3 п.л.
5. Памятники типа линнавуори в Карелии. - Скандинавский сб., Таллин, 1975, т.20. 0.4 п.л.
6. Тверск. - Краткие сообщения Института археологии (КСИА), 1976, вып.146. 0.7 п.л.
7. Контакты населения Северо-Западного Приладожья с Эстонией и Финляндией в I-нач. II тыс. н.э. - Скандинавский сб., Таллин, 1978, т.23. I п.л.
8. Территория летописной корелы в XII-XIV вв. (по археологическим данным). - В кн.: Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1978. I.8 п.л.
9. Новые курганы в Юго-Восточном Приладожье. - Там же. I.3 п.л.
10. Археологические памятники корелы У-ХУ вв. Л.: Наука, 1981. 12.65 п.л.
11. Древняя корела. Л.: Наука, 1982. 16.73 п.л.
12. Карелы в I тысячелетии - ХУ в. - В кн.: Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия, 1983. I.5 п.л.

б) тезисы и сообщения в "Археологических открытиях"

1. Связи Прибалтики и Юго-Восточного Приладожья. - В кн.: Труды III Международного конгресса финно-угроведов. Таллин, 1970, вып.2, с.14.
2. Тверск. - Археологические открытия (АО) 1971, М., 1972 (в соавторстве с Г.Б.Федоровым), с.41-42.

3. Исследования в Приладожье. - АО 1971, М., 1972 (в соавторстве с Н.А.Брыкиной, О.И.Сазоновой), с.25-26.

4. Тиверск. - АО 1972, М., 1973 (в соавторстве с Н.А.Брыкиной, О.И.Сазоновой), с.10.

5. Городище Паасо. - АО 1978, М., 1979 (в соавторстве с В.А.Базегским, О.И.Сазоновой), с.19.

6. Историко-культурные и хозяйственные традиции древнекарельского населения Северо-Западного Приладожья и Финляндии (в соавторстве с Л.С.Хомутовой). - В кн.: IX всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии, ч.1, Тарту, 1982, с.184-185.